

И. В. ПИСКУНОВ

КАК СТАТЬ РОССИЙСКИМ ПРИВАТ-ДОЦЕНТОМ?

Статья посвящена приват-доцентуре – малоизученной категории преподавателей, служивших в российских университетах «вне штата» и при этом игравших важную роль в университетском преподавании. Подробно разобраны требования к званию приват-доцента в России, действовавшие на начальном этапе его существования (1843–1884 гг.), а также практики присвоения этого звания через поэтапное прохождение «вступительных испытаний». Оцениваются возможные трудности и конфликты на пути к получению приват-доцентуры, а также влияние этих установившихся практик на перспективы развития российских университетов.

Ключевые слова: университет, приват-доцент, преподавание, диссертация, защита, лекция.

Приват-доцентами в российских университетах XIX – начала XX в. называли внештатных преподавателей, которые читали лекции (получая за это вознаграждение из «специальных сумм» университета) и, как правило, надеялись в дальнейшем на зачисление в штат при появлении вакантных профессорских мест. Тем самым, приват-доценты служили естественным ресурсом для пополнения университетской профессуры. Длительное время, однако, изучение российских приват-доцентов находилось в тени, значительно уступая изучению профессуры. С точки зрения интеллектуальной истории на них смотрели как на «людей второго плана» в университете¹ – и это несмотря на то, что весьма существенная часть преподавания здесь велась именно приват-доцентами, которые к тому же активно участвовали в университетских научных исследованиях. Необходимо преодолеть этот историографический дисбаланс, на что и направлено наше исследование.

Институт приват-доцентуры зародился в немецких университетах. С 1803 г. приват-доценты были предусмотрены в Дерптском университете (наиболее тесно связанном с Германией), впервые утвердившись в законодательном поле Российской империи. Но при этом только в 1843 г. приват-доцентура была распространена на другие

¹ О ранжировании «университетских людей» внутри российской социосферы вообще – см. Экштут 2006.

российские университеты². Во второй половине XIX в. этот «красадник профессуры» уже занимал видное место в системе преподавания и формировании облика отечественных университетов. В данной статье мы остановимся на вопросе о самом процесс зачисления в приват-доценты на начальном этапе существования этого института в России (до 1884 г.) – какие научные условия, а также возможные неформальные требования и потенциальные конфликты его сопровождали.

Уже по уставу Дерптского университета для получения звания приват-доцента требовалось наличие одной из ученых степеней Российской империи. В постановлении 1843 г. это требование было конкретизировано как степень «не ниже магистра»³, но российский общеуниверситетский устав 1863 г. допустил к приват-доцентуре также кандидатов, что явилось принципиально важным решением, открывшим приват-доцентуру для максимально широкого круга лиц (интересно, что на медицинском факультете, где существовала параллельная система ученых степеней, в 1860-е гг. было разрешено допускать к приват-доцентуре даже врачей⁴). Помимо этого, необходимо было представить диссертацию *pro venia legendi* (букв. для допуска к лекциям), отличную от диссертации на получение ученой степени, и публично защитить ее.

В 1863 г. этот порядок был дополнен: кроме диссертации от «лиц, неизвестных своими преподавательскими способностями» требовалось прочесть перед факультетом две публичные лекции: одну – на тему по собственному выбору, вторую – по назначению факультетского собрания⁵. Впрочем, это дополнение должно было затронуть лишь «сторонних кандидатов», а в целом министерство было настроено на упрощение процедуры приобретения звания приват-доцента, признавая это существенным условием его распространения. Не случайно уже в 1867–68 гг. имело место значительное препирательство между советом университета Святого Владимира и министерством народного просвещения по во-

² Подробнее: Пискунов 2014; об эволюции идеи приват-доцентуры в России см. также Андреев, Посохов (ред.) 2012. С. 429–435; Цыганков 2009.

³ О разрешении иметь Доцентов при С.-Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском Университетах. 28 июня 1843 г. // Сборник постановлений Т. 2. Отд. 2. Стлб. 292-293.

⁴ О разрешении определять в университет Св. Владимира по мед. факультету приват-доцентами не только докторов, но и врачей // РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 356. Л. 1-2.

⁵ Общий устав Императорских Российских Университетов. 18 июня 1863 г. // Сборник постановлений... Т. 3. Стлб. 1057.

просу о необходимости закрытой баллотировки в приват-доценты в совете университета. Практиковавшийся в Киеве, этот способ избрания не встретил понимания министерства, и в итоге был запрещен⁶.

После 1884 г. наиболее значительным изменением, коснувшимся всех претендентов, стала отмена обязательной защиты диссертации *pro venia legendi* (кроме Юрьевского университета). Защита этой диссертации к тому времени давно превратилась в формальность и, как правило, не представляла трудностей⁷. В целом же условия вступления в приват-доцентуру стали более гибкими.

Инициатива о выдвижении в приват-доценты исходила либо от самого кандидата, либо от университетского профессора или факультета в целом. Так, в 1858 г. попечитель петербургского учебного округа И.Д. Делянов докладывал министру: «Магистр минералогии и геогнозии Платон Пузыревский изъявил желание поступить в императорский С.-Петербургский университет в должность приват-доцента по кафедре минералогии и геогнозии»⁸. В другом случае в прошении министру указывалось, что один из профессоров имеет на факультете нужду в приват-доценте, и полагает допустить на это место определенного кандидата. Так, например, выглядело дело кандидата И.Е. Андреевского, за которого просил профессор Петербургского университета П.Д. Калмыков⁹. Другой подобный случай – прошение петербургского профессора А.П. Чебышева-Дмитриева, который желал «для улучшения преподавания уголовного судоустройства иметь по занимаемой им кафедре приват-доцента», на что изъявил согласие магистр Н.С. Таганцев¹⁰. Если на то следовало согласие министра, то кандидат допускался непосредственно к испытаниям на должность. Не согласиться министр мог лишь в крайних случаях – например, с прошением профессора Харьковского университета А.Н. Бекетова о переводе его в приват-доценты Петербургского университета, что, по мнению министра Е.П. Ковалевского, было «несовместимо со званием и достоинством профессора»¹¹.

Процедура вступления в должность приват-доцента проходила в несколько этапов, первым из них была защита особой диссертации *pro*

⁶ О применении п. 4. § 46 Университетского Устава к баллотированию Приват-Доцентов. 3 февраля 1868 г. // Сборник постановлений... Т. 4. Стлб. 1053-1056.

⁷ Иванов 1994. С. 140.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 15. Л. 1.

⁹ РГИА. Ф. 33. Оп. 26. Д. 133. Л. 15.

¹⁰ Загородников 1994. С. 22.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 27. Д. 234. Л. 7 об.

venia legendi. Хотя это условие и оставалось неизменным в течение почти сорока лет, но критерии значительно варьировались. Средняя диссертация представляла собой небольшую работу в 30–50 страниц, состоящую из нескольких глав, написанную на основании источников (в гуманитарных науках) или опытов (в естественных науках). Весьма распространено было цитирование иностранной научной литературы, источников на иностранных языках. При необходимости, текст дополнялся наглядными картинками, таблицами, схемами. Темы могли быть разного масштаба, от обширных (по современным представлениям) научных проблем до узкоспециальных вопросов. Типологически, работы до 1863 г. не имеют принципиальных отличий от позднейших. Самая ранняя из известных нам работ написана в 1847 г.¹²

Для наглядности проанализируем несколько диссертаций pro venia legendi по факультетам. Так, работа Ф.Г. Мищенко (1872), киевского приват-доцента, затем профессора в Казанском университете, занимала 31 страницу. Тема ее – «Фиванская трилогия Софокла», а в заключении сделаны выводы о времени написания, единстве авторского замысла¹³. По мнению историков, уже в этой работе проявились характерные черты будущего исследователя: большая самостоятельность, нежелание отдаваться господствующему в науке течению в истолковании древних писателей¹⁴. Объем работы Ю.А. Кулаковского (1881), также известного киевского историка («Надел ветеранов земель и военные поселения в Римской империи») – 45 страниц. При написании диссертации Кулаковский прибегал к консультациям широко известного историка Римской империи Теодора Моммзена. Историю военных поселений в Римской империи он прослеживает от земельных наделов ветеранов и денежных выплат, до политики расселения дружественных германских племен по окраинам империи¹⁵.

Порой диссертации могли иметь и более значительный объем. Например, у Ф.И. Леонтовича (1863), будущего ректора Новороссийского университета – 88 страниц¹⁶, у Н.П. Загоскина, знаменитого историка русского права (1875), и литературоведа Н.И. Жданова (1876) – более двухсот страниц¹⁷. Правда, работа Загоскина представляла собой

¹² Критический взгляд на философию Канта... 1847.

¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 13. Л. 106.

¹⁴ Шофман 1974. С. 8.

¹⁵ Надел ветеранов земель... 1881. С. 6, 44.

¹⁶ Леонтович 1863.

¹⁷ Уставные грамоты... 1875; Жданов 1876. С. 50-89; 173-225.

публикацию уставных грамот Древней Руси), а Жданова – обширный комментарий источников по Стоглавому собору.

По сложности написания, *pro venia legendi* не шла ни в какое сравнение с магистерской диссертацией. Но при всей видимой ее простоте, она не должна была сводиться к пересказу, содержать грубые ошибки, словом, требовался уровень небольшой, но все же научной работы. Если же диссертация не вызывала резких отрицательных отзывов, но и не соответствовала должному уровню, соискателю могли предложить переделать ее в соответствии с указаниями компетентного профессора в определенный срок (около 5-ти месяцев)¹⁸.

Не существовало требований к месту защиты, она могла проходить в любом университете, а полученное в результате право преподавания распространялось на все высшие учебные заведения. Так, кандидат Харьковского университета Н.О. Куплеваский был командирован в Киев и там защитил диссертацию, а потом вернулся в Харьков и начал чтения в качестве приват-доцента¹⁹. В другом случае выбор места для защиты мог определялся готовностью университета впоследствии трудоустроить у себя приват-доцента. Кандидат юридического факультета Харьковского университета А. Боровиковский сначала представлял *pro venia legendi* в свой университет, а затем переехал в Москву и уже там защищал диссертацию²⁰. Подобным образом поступил московский кандидат К.А. Андреев, приехав в Харьков для защиты диссертации по приглашению профессора Д.М. Деларю²¹.

Для претендентов, известных университету, процедура представления и защиты диссертации зачастую оказывалась формальностью, впрочем, строго обязательной для всех, поэтому серьезных научных работ среди этих диссертаций было немного, встречались несколько модернизированные кандидатские или даже студенческие работы, использовались уже давно написанные, и даже опубликованные труды. В 1867 г. известный историк Н.А. Осокин представил в качестве *pro venia legendi* свою юношескую работу «Савонаролла и Флоренция», напечатанную им еще в 1863 г., когда ему был 21 год²². М.П. Драгоманов также использовал в качестве диссертации одну из своих прежних работ «Про императора Тиберия», в которой делал радикальные выводы, под-

¹⁸ Юридический факультет Харьковского университета... С. 82.

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 1066. Л. 150.

²⁰ Юридический факультет Харьковского университета... С. 79.

²¹ Осипов, Багалея 1908. С. 31.

²² Биографический словарь... 1904. С. 144-146.

вергнутые жесткой критике оппонентов. Студенческую работу использовал и В.В. Сокольский, приват-доцент Киевского университета²³. Использование ранних работ в качестве диссертации не скрывалось самими диссертантами. Так, на обложке печатной *pro venia legendi* Д.Н. Овсяннико-Куликовского было помещено откровенное пояснение: «Извлечение из исследования «Культ Сомы в Риг-Веде»²⁴.

Гораздо реже это была действительно специально написанная работа, предназначенная для защиты в качестве диссертации *pro venia legendi*. Так готовился к защите А.А. Шахов, посвящавший написанию работы, по воспоминаниям друзей, все свое время²⁵. Защита этой диссертации была очень успешной. По отзывам присутствовавшего на диспуте профессора В.И. Герье, «очерк его о французской литературе чрезвычайно талантливо написан... автор мастерски овладел своим предметом и, благодаря блестящему изложению, с таким же искусством овладевает читателем». И, в целом, факультет отнесся с большим одобрением к труду Шахова (это подтвердили все оппоненты), что свидетельствовало о высоких научных достоинствах диссертации²⁶.

Процедура защиты диссертации была строго формализована. Она проходила публично, в намеченный день и час, обязательно назначались два оппонента из числа преподавателей. Одним из оппонентов мог выступать профессор, курировавший кандидата. Так, в 1872 г. на защите Ф.Г. Мищенко одним из оппонентов был его учитель, В.И. Модестов, (второй – П.И. Яроцкий). Оппоненты произносили свои суждения о работе, в которых отмечались ее достоинства и недостатки. К этому могли прибавляться заключения более общего порядка – например, В.И. Модестов на защите Мищенко заявил, что «автор, несомненно, обнаруживает не только яркое дарование, но и замечательную эрудицию, и все это заставляет надеяться, что факультет приобретает в нем деятельного и вполне полезного члена»²⁷. Изредка на защиту могло пожаловать высокое начальство. Так, защита кандидата в приват-доценты Казанского университета Гильтера удостоилась посещения самого министра П.А. Ширинского-Шихматова, который в конце поздравил Гильтера «в достижении цели»²⁸ (на самом деле, Гильтер ее не достиг, см. ниже).

²³ Биографический словарь... 1884. С. 618.

²⁴ Куликовский 1882.

²⁵ Кареев 1990. С. 129.

²⁶ Гиляров-Платонов 1903. С. 125.

²⁷ Шофман 1974. С. 8.

²⁸ РГИА. Оп. 46. Д. 12. Л. 5.

Как правило, факультет не проявлял излишней требовательности к уровню работы, и даже разгромные отзывы рецензентов не означали обязательного провала. Однако допущение нового члена в преподавательскую корпорацию было процессом сложным и болезненным, поэтому защита диссертации, как условие допущения, могла принимать характер ожесточенных дебатов, не всегда даже строго научных.

О неустойчивости критериев, предъявляемых к диссертациям, свидетельствуют отзывы рецензентов и заключения факультетов по поводу ряда работ. В. Миллер, разбирая работу Овсяннико-Куликовского (в ней, кстати, полностью отсутствовали ссылки не только на иностранную, но и на отечественную научную литературу), оценивал его толкование индийского мифа как несостоятельное, но подчеркнул «серьезное знакомство» с источниками и «способность к комбинации фактов», а также новизну подхода – изучение мифа через призму психологии²⁹. По его мнению, эти качества могли искупить превратное толкование источника и неудачу, которую потерпел автор в раскрытии темы. В итоге защита диссертации была признана успешной. С другой стороны, в Харьковском университете предъявлялись более жесткие требования к диссертации. Согласно заключению юридического факультета (1870), диссертация *pro venia legendi* не может быть приравнена к кандидатскому сочинению; работа должна показывать глубокое знание предмета и литературы, основательность и ясность суждения. В связи с этим нередко были случаи неудачных защит на юридическом факультете Харьковского университета: из 16-ти диссертаций, представленных с 1863 по 1884 гг., четыре (25%) были признаны неудовлетворительными³⁰.

Иной раз мнения рецензентов о работе расходились, могли происходить горячие прения, но окончательное решение принималось большинством голосов. Большим скандалом сопровождалась защита диссертации М.П. Драгоманова в Киевском университете. На то был ряд причин, как объективных, так и вызванных обостренным субъективным отношением профессоров к личности Драгоманова. По собственному признанию диспутанта, в своей работе он показал полное незнание новейшей заграничной литературы по предмету, что не помешало ему на основе одних классиков прийти к смелому выводу, «что римская империя была не упадком римского мира после республики, но своего рода прогрессом, если не политическим, то социальным и культурным». Ши-

²⁹ Миллер 1883. С. 300.

³⁰ Юридический факультет Харьковского университета... 1908. С. 86-90.

рокое обобщение восстановило против Драгоманова всех профессоров, включая его покровителя Шульгина, и это была объективная причина. Однако сам он попытался представить научную критику как гонение на свободомыслие, когда профессора «...были скандализованы моим, так сказать, империализмом, – а также и социализмом; консерваторы – вызвали было меня на диспут о моей критике римской республики, но обиделись на мою критику консерватизма Ювенала...»³¹. Оппонент на том диспуте, В.И. Модестов, в своих воспоминаниях описал заигрывание Драгоманова с сочувствующей ему украинофильской аудиторией, его небрежность и дерзость в ответах рецензентам³². Но слабость диссертации не помешала тому, что защита была признана успешной. Очевидно, что большую роль в исходе этого диспута имели национальные симпатии украинской партии профессоров и поддержка публики.

Не вполне гладко происходила защита Д.Н. Овсяннико-Куликовского в Москве. «Я совсем заробел и сконфузился, то и дело сбивался и окончательно опешил, когда Ф.Ф. Фортунатов разбил в пух мои плачевные этимологические толкования. Тем не менее “диспут” сошел»³³.

Были случаи, когда защита признавалась неудачной, и соискателю отказывали в должности. Так, В. Пфаф, доктор прав Лейпцигского университета, уроженец Прибалтийского края, трижды провалил в разных университетах экзамен на магистра (подготовительный этап к защите диссертации), и решил стать хотя бы приват-доцентом, для чего издал на свои средства брошюру³⁴ и представил ее в юридический факультет Новороссийского университета в качестве *pro venia legendi*. Один экземпляр оказался у В.И. Модестова, бывшего тогда доцентом в этом университете. Содержание работы глубоко возмутило его: «Я скоро заметил, что автор диссертации имел в виду надуть факультет, не имевший специалиста, что диссертация его есть не что иное, как произведение грубейшего невежества, соединенного с крайнею недобросовестностью, что в ней не только бездна нелепостей, но еще нелепостей, подтверждаемых ложными цитатами». Чтобы подтвердить последнее, Модестов принес прямо на защиту латинские книги, на которые ссылался Пфаф, и с текстом в руках опровергал его доводы. Защита была превращена в фарс, Пфаф начал оскорблять рецензента, за что получил резкую отповедь ректора: «Вы, милостивый государь, как видно, ничего

³¹ Павлик 1896. С. 343.

³² Профессор В.И. Модестов... 2014. С. 71.

³³ Овсяннико-Куликовский 1923. С. 126.

³⁴ Пфаф 1866.

не знаете, а между тем позволяете себе говорить дерзости оппоненту»³⁵. В итоге Пфаф не получил искомого звания. Таким образом, если ошибки в диссертациях по молодости и неопытности еще могли быть встречены в университете со снисхождением, но явная недобросовестность служила тем барьером, за который нельзя было переходить.

Университетским уставом 1863 г. для кандидатов, неизвестных факультету, было введено чтение двух пробных лекций. В 1884 г. положение о пробных лекциях претерпело значительные изменения, и перестало быть обязательным условием для некоторых кандидатов. Что же представляли собой пробные лекции до 1884 г.?

Наиболее сложен вопрос об обязательности чтения таких лекций. Формально это было необходимо лишь для сторонних кандидатов, но в большинстве подтвержденных случаев пробные лекции по всем правилам прочитывались претендентами, известными университету с лучшей стороны (Н.А. Осокин, А.Ф. Кистяковский, В.Н. Палаузов, В.А. Субботин). Некоторые из читавших такие лекции были действительно выпускниками других университетов (Ю.А. Кулаковский, Н.О. Куплеваский, М.Р. Кантакузин-Сперанский, Лебедев Василий Александрович). Однако «известного факультету преподавательскими способностями» магистра уголовного права Н.С. Таганцева, определено было допустить, «освободив от обязанности прочесть пробные лекции»³⁶.

Тем не менее, для тех, кто проходил это испытание, чтение пробных лекций оказывалось исключительно важным моментом начала преподавательской деятельности. Тема одной из них предоставлялась выбору самого кандидата, другую назначал факультет в специальном заседании. Последовательность могла быть разной, начитать допускалось и с темы по своему выбору, и с темы по назначению. Если защита диссертации была больше формальной процедурой, имеющей целью убедить совет университета в компетентности и эрудиции автора, то пробные лекции призваны были обнаружить педагогические способности кандидата. Диссертация сочинялась заранее, ее содержание могло быть многократно откорректировано и выверено, оставалось лишь донести основные моменты до слушателей. Напротив, тема одной из двух пробных лекций задавалась факультетом, чтобы проверить способность претендента быстро собирать, обобщать и излагать материал в виде лекции. Кроме того, пробные лекции проводились перед ауди-

³⁵ Профессор В.И. Модестов... 2014. С. 37–39.

³⁶ Загородников 1994. С. 22.

торией студентов – будущих слушателей приват-доцента, которых он должен был заинтересовать, то есть судей самых строгих. Таким образом, пробные лекции были способом на практике, в естественной среде, определить способности и познания кандидата в приват-доценты.

Восприятие студентами этих лекций закладывало основы их отношения к будущему преподавателю. Неудачи здесь были непростительны и строго карались. По воспоминаниям Лучицкого, из-за того, что вступительная лекция В.Г. Авсеенко «оказалась крайне слабою», студенты на новой сходке решили не посещать впредь его лекций³⁷.

На лекциях могли присутствовать и некоторые из профессоров соответствующего факультета. Так, пробные лекции Н.О. Куплеваского (приват-доцент университета Св. Владимира в 1877–79 гг.) посетил профессор А.Ф. Кистяковский. В своем дневнике он отметил: «Куплеваский после защиты диссертации прочел две публичные лекции: об административной юстиции и о правах лиц, состоящих на государственной службе. Показал себя толковым и солидным умом. В особенности понравился его образ воззрения на права состоящего на государственной службе, который, служа делу, а не лицам, государству, а не начальству, имеет право занимать государственную должность в силу права, а не в силу воли начальства, и не может быть лишен службы по произволу, а только в силу определения суда или такого государственного учреждения, как Государственный совет»³⁸. Изредка в аудиторию могли пожаловать и более высокие гости. На первой лекции Н.А. Осокина побывал сам попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков. Признавая кандидата достойным приват-доцентуры, он писал в донесении министру: «Первая его вступительная лекция, на которой я присутствовал, произвела на всех слушавших самое приятное впечатление. Г. Осокин обладает и большой начитанностью, и прекрасным даром излагать ясно, отчетливо и увлекательно»³⁹.

Нельзя с уверенностью судить о том, насколько точно исполнялось положение устава о чтении обеих пробных лекций. В источниках – архивных делах, биографических словарях, печатных университетских изданиях – порой упоминается о двух прочтенных лекциях, иногда об одной. Впрочем, о второй лекции могли просто не упоминать по разным

³⁷ Тарле 1914. С. 47.

³⁸ Кістяківський 1994. Т. 1. С. 403.

³⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 685. Л. 7 Об.

причинам. В любом случае, известны примеры, когда положение устава исполнялось в точности, и прочитывались обе лекции.

Оба чтения обыкновенно укладывались в две недели или несколько больше. И.В. Лучицкий (приват-доцент университета Св. Владимира в 1870–74 гг.) провел первую лекцию 23 сентября, вторую – 8 октября 1870 года. Любопытно, что на подготовку второй лекции (на тему, заданную факультетом) ему было отведено менее 2-х дней: заседание факультета состоялось 6 октября. За оставшиеся полтора дня нужно было собрать материал, составить план лекции и написать текст – задача необычайно сложная. Тем не менее, И.В. Лучицкий блестяще справился с испытанием и составил текст на 14 страниц на тему «Генерал Монк»⁴⁰.

Более плотно были поставлены лекции Ю.А. Кулаковского (приват-доцент университета Св. Владимира в 1881–83 гг.): 16 и 19 октября 1880 года⁴¹. Правда, в этом случае нельзя судить о том, сколько он готовился к лекции по назначению, поскольку нам неизвестна дата факультетского заседания, где была сформулирована тема лекции.

Логично ожидать от лекций с заданной темой, что они будут заметно уступать по научному уровню лекциям по собственному выбору. Забегая вперед, скажем, что в целом эти ожидания оправдываются. Между тем некоторые кандидаты готовили лекцию по назначению довольно серьезно. Широко поставил цель своей лекции Н.А. Осокин: «Историки часто считали Оливера Кромвеля лицемером, создавшим секту, сгубившим короля ради личных выгод, ради достижения престола, злодеем, тираном... Это мнение до сих пор самое ходячее; отголоски его слышатся даже в устах новейших писателей. Отвергнуть это ненаучное мнение будет между прочим целью настоящей лекции». Текст этой лекции пестрит ссылками на источники (мемуары современников), анализ личности Кромвеля предваряется обзором литературы⁴². Но обыкновенно такие лекции оформлялись гораздо проще.

Сама постановка темы свидетельствовала о том, что факультет не стремился возложить на соискателя непосильную задачу. Темы, задаваемые факультетом, носили общеисторический, описательный характер и не затрагивали узкоспециальных вопросов.

Напротив, темы по собственному выбору бывали гораздо уже и прямо относились к интересующей кандидата проблемной сфере науки.

⁴⁰ Две пробные лекции, читанные И. Лучицким... 1870.

⁴¹ Речь перед защитой диссертации... 1881.

⁴² Личный и исторический характер Оливера Кромвеля... 1868. С. 2–3.

Вот несколько характерных примеров: «Мишель Лопиталь и его деятельность по отношению к французским религиозным партиям 16 века», «Император Фридрих II и его отношения к Риму» (что составляло первую главу сочинения уже приготовленного Н.А. Осокиным к печати под заглавием: «Итальянские государи XIII и XIV века»), «Краткий обзор архаизмов у Плавта в связи с влиянием их на критику текста» и др.

Столь же велика была разница в качестве лекций. Недостаточно хорошо ориентируясь в поставленных факультетом темах, соискатели вынуждены были ограничиваться пространными рассуждениями и умозрительными доводами, заключения их имели поверхностный характер, что было неизбежно в этом случае. Вот типичный пример подобной сентенции из лекции И.В. Лучицкого о генерале Монке: «Он совершил переворот без крови, без битв и мог смело назвать себя спасителем отечества. Что восстанавливал он – было не его дело. Власть стала проливать кровь противников... но какое дело было до этого Монку, который получал 15 т.ф. стерл. годового дохода и носил титул светлейшего? Десять лет спустя, в 1670 году, он умер, окруженный уважением всех тех, кто играл роль при новом правительстве»⁴³. Литературные приемы, риторические вопросы и широкие обобщения были слабыми местами этих лекций. Для лекций же по собственному выбору, напротив, характерны преимущественно научный стиль изложения, обилие ссылок на источники и литературу, в том числе иностранную и современную, а также использование результатов собственных научных исследований.

Несмотря на то, что положение о вступительных испытаниях в целом строго выполнялось, удалось обнаружить несколько попыток университетов обойти данные нормы, что неизменно встречало сопротивление министра. Единственный случай снисходительности министра отмечен еще в 1844 г. в отношении первого приват-доцента Московского университета А.С. Ефремова, который не имел степени магистра и не защищал *pro venia legendi*. Напоминая об этом попечителю С.Г. Строганову, товарищ министра П.А. Ширинский-Шихматов допускал назначение Ефремова «частным образом в виде опыта, до получения магистерской степени, если, впрочем, он удовлетворит другим требованиям правил». Вероятно, Ефремов все же защитил *pro venia legendi*, поскольку в 1844/1845 acad. году он «с удовлетворительным успехом» преподавал всеобщую географию студентам 1-го отделения философского факультета. По ходатайству ректора, в августе 1845 года попечитель

⁴³ Две пробные лекции, читанные И. Лучицким... С. 42.

просил товарища министра разрешить вознаградить Ефремова в размере 300 руб. серебром из экономических сумм, что и был исполнено⁴⁴.

Требование защиты *pro venia legendi* было неукоснительным. Так, в 1846 г. С.С. Уваров отказался утверждать одобренное советом и попечителем представление К. Россоловского в приват-доценты Казанского университета для чтения геодезии, сославшись на то, что тот не имеет степени магистра и не защищал диссертацию *pro venia legendi*⁴⁵. Более сложный казус произошел с М.Я. Киттары в 1847 г. Чтобы получить звание приват-доцента для преподавания физической географии, Киттары публично защитил в факультете *pro venia legendi* работу «Органы пищеварения рыб, к роду осетра принадлежащих». Очевидное несоответствие темы диссертации и предполагаемого курса бросилось в глаза попечителю Н.И. Лобачевскому, о чем он и уведомлял министра. Впрочем, добавлял попечитель, в уставе не сказано, что тема диссертации должна соответствовать теме предмета преподавания, а сам он в целом уверен в способностях Киттары и просит назначить его приват-доцентом и дать жалованье 500 рублей. Уваров отказал в ходатайстве, пояснив, что Киттары – магистр зоологии, а не физики. 8 мая Лобачевский снова попытается испросить утверждения Киттары, но теперь – приват-доцентом естественных наук, без жалованья и «без поручения преподавания, покуда надобности в том не представляется»⁴⁶.

Однако даже внешне успешное прохождение всех испытаний не всегда означало утверждения приват-доцентом. Печальный исход имело соискательство в 1851–53 г. доктора медицины, ассистента акушерской клиники Казанского университета П.А. Гильтера. Он сперва успешно защитил докторскую диссертацию, но не получил желаемого штатного места адъюнкта и поэтому должен был представить на факультет еще и диссертацию *pro venia legendi*, которая была единогласно одобрена. Защита прошла хорошо, оппоненты лестно отзывались о работе, а сам министр в конце поздравил Гильтера «в достижении цели». Но затем что-то пошло не так. 8 декабря 1851 г. попечитель доложил министру, что защита Гильтером диссертации *pro venia legendi* признана неудовлетворительной, а сам он – недостойным звания приват-доцента. Это постановление медицинского факультета и совета Казанского университета

⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 33. Д. 2. Л. 13 об–15.

⁴⁵ О назначении кандидата К. Россоловского преподавателем геодезии у-та и об отказе предоставить ему права доцента. РГИА Ф. 733. Оп. 44. Д. 75. Л. 4 Об.

⁴⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 44. Д. 141. Л. 10–12 об.

было оспорено синдиком Олферьевым, который нашел его неполным, а согласие совета с мнением факультета – необоснованным, так как совет не разобрался в деле. Но факультет и совет отвергли это заявление, основываясь на том, что, во-первых, обсуждение научных достоинств и недостатков производится устно, и, во-вторых, протест синдика был подан только 10-го ноября, через 25 дней после составления протокола. С таким определением согласился и попечитель В.П. Молоствов. Несмотря на дальнейшие просьбы Гильтера, обращавшегося напрямую к министру, его так и не утвердили ни в звании приват-доцента, ни в какой-либо штатной должности, на которую Гильтер продолжал надеяться, отправившись за свой счет за границу для подготовки в зарубежных клиниках. На обратном пути в Россию в 1853 г. он скончался⁴⁷.

Причины затруднений в окончательном утверждении кандидата в звании приват-доцента, которые вызывали иногда даже голосование в Совете университета (что с конца 1860-х гг. признавалось министерством незаконным), хорошо охарактеризовал доктор медицины Шенфельд, успешно прошедший всю необходимую процедуру, но также забаллотированный университетом: «...Каждый штатный преподаватель видит в соискателе на звание приват-доцента его будущего соперника, и потому охотно будет допускать только кандидатов, желающих читать лекции по тем предметам, по которым кафедры вакантны и которые не имеют своих представителей в чине штатных профессоров». Эти слова даже удостоились сочувственной пометы чиновника министерства на полях: «Ни один достойный приват-доцент, не партизан шайки, не пройдет»⁴⁸, что, впрочем, никак не отразилось на судьбе Шенфельда, который так и не получил приват-доцентуры.

Итак, вступительные испытания на звание приват-доцента, существовавшие в 1842–1884 гг., были серьезным экзаменом для молодых ученых. Не все кандидаты, формально удовлетворявшие положенным требованиям, достигали успеха. Наиболее значимой с формальной стороны процедурой была защита диссертации *pro venia legendi*. Без нее не обходилось ни одно назначение приват-доцента. Чаще всего защита не представляла трудностей и проходила успешно, но если кандидат по каким-либо причинам не подходил университету, то именно негативная оценка *pro venia legendi* решала его участь. Прочтение двух пробных лекций (в период 1863–84 гг.) по букве закона было необязательным для

⁴⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 46. Д. 12. Л. 33.

⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 677. Л. 12 Об.

лиц, известных университету. Фактически же, именно такие лица составили большинство из известных нам кандидатов, читавших пробные лекции. Эти чтения давали факультету представление о способности кандидата быстро ориентироваться в новом материале и в то же время использовать в преподавании результаты своих научных изысканий, наглядно демонстрируя перенос в Россию «гумбольдтовской» концепции единства исследования и преподавания⁴⁹. И все же, по совокупности, требования, предъявляемые в данный период к приват-доцентам, можно охарактеризовать как слишком обременительные и препятствовавшие развитию института приват-доцентуры⁵⁰. Дополнительную проблему создавало формалистское отношение министерства: требование неуклонного исполнения всех процедур и отказ утвердить ту или иную кандидатуру в обход устава. Преодоление этих проблем стало возможным только после принятия нового общероссийского университетского Устава 1884 г., когда открылась дорога для в подлинном смысле «массовой» приват-доцентуры в российских университетах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев А.Ю. «Гумбольдт в России»: министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX века // Российская история. 2004. № 2. С. 37–55.
- Андреев А.Ю., Посохов С.И. (ред.) Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. М.: РОССПЭН, 2012. 672 с.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834–1884) / Сост. В.С. Иконников. Киев: Изд-во ун-та св. Владимира, 1884.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета. Ч. 1–2. Казань: Изд-во Казанского университета, 1904.
- Гиляров-Платонов Н.П. Университетский вопрос [Сб. ст.]. СПб., 1903.
- Две пробные лекции, читанные И. Лучицким для получения звания приват-доцента по всеобщей истории. Киев, 1870.
- Жданов Н.И. Материалы для истории Стоглавого собора // ЖМНП. Ч. CLXXXVI. Отдел наук. СПб., 1876.
- Загородников Н.И. Николай Степанович Таганцев. М.: Наука, 1994. 132 с.
- Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М.: ИРИ РАН, 1994. 198 с.
- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. 382 с. Личный и исторический характер Оливера Кромвеля. Лекция Н. Осокина. Казань, 1868.

⁴⁹ Андреев 2004.

⁵⁰ О преодолении этих трудностей и развитии преподавательской корпорации в российских университетах после принятия Устава 1884 г. см.: Ростовцев 2013.

- Речь перед защитой диссертации pro venia legendi и две пробные лекции кандидата Московского университета Юлиана Кулаковского. Киев, 1881.
- Кистяківський О. Ф.* Щоденник (1874–1885). Т. 1. Київ: Наукова думка, 1994. 650 с. Критический взгляд на философию Канта. Рассуждение, написанное магистром философии, Сильвестром Гогоцким, для получения звания доцента философии в Императорском Университете Св. Владимира. Киев, 1847.
- Куликовский Д.* Разбор ведийского мифа о соколе, принесшем цветок Сомы, в связи с концепцией речи и экстаза. М., 1882.
- Леонтович Ф.* Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV и XVI столетий. Киев, 1863.
- Миллер В. Ф.* Разбор ведийского мифа о соколе, принесшем цветок Сомы, Д. Куликовского. // Журнал министерства народного просвещения. 1883. Ч. 227.
- Надел ветеранов землей и военные поселения в римской империи. Эпиграфическое исследование Юлиана Кулаковского. Представлено для получения звания приват-доцента в университете Св. Владимира. Киев, 1881.
- Овсянко-Куликовский Д. Н.* Воспоминания. Пг., 1923.
- Павлик М.* Михайло Петрович Драгоманов. 1841–1895. Єго юбилей, смерть, автобіографія і спис творів. Львів, 1896.
- Пискунов И. В.* Правовое положение приват-доцентов российских университетов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. «История. История Русской Православной Церкви». 2014, №4. С. 98–116.
- Профессор В. И. Модестов. Воспоминания, письма. М.: Принципиум, 2014. 426 с.
- Пфаф В.* О формальных договорах древнего римского права. Одесса, 1866.
- Ростовцев Е. А.* Столичный университет в фокусе министерской политики (1884–1890) // Родина. 2013. №10. С. 57–64.
- Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2–4. СПб., 1864–1876.
- Тарле Е. В.* И. В. Лучицкий // Голос минувшего. М., 1914. № 1. С. 42–61.
- Физико-математический факультет Харьковского университета за 100 лет. Биографический словарь профессоров и преподавателей. Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1908.
- Цыганков Д. А.* Московский университет в городском пространстве начала XX в. // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 371–459.
- Шофман А. С.* Федор Герасимович Миценко. Казань: Изд-во Казанского университета, 1974. 111 с.
- Экштут С. А.* «Профессор! Ты убог» // Родина. 2006. № 1. С. 26–28.
- Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1908.

REFERENCES

- Andreev A. Yu. «Gumbol'dt v Rossii»: ministerstvo narodnogo prosveshcheniya i netaetskie universitety v pervoi polovine XIX veka // Rossiiskaya istoriya. 2004. № 2. S. 37–55.
- Andreev A. Yu., Posokhov S. I. (red.) Universitet v Rossiiskoi imperii XVIII – pervoi poloviny XIX v. M.: ROSSPEN, 2012. 672 s.

- Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo universiteta sv. Vladimira (1834–1884) / Sost. V.S. Ikonnikov. Kiev: Izd-vo un-ta sv. Vladimira, 1884.
- Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei imperatorskogo Kazanskogo universiteta. Ch. 1–2. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1904.
- Gilyarov-Platonov N.P. Universitskii vopros [Sb. st.]. SPb., 1903.
- Dve probnye lektsii, chitannye I. Luchitskim dlya polucheniya zvaniya privat-dotsenta po vseobshchei istorii. Kiev, 1870.
- Zhdanov N.I. Materialy dlya istorii Stoglavogo sobora // ZhMNP. Ch. CLXXXVI. Otdel nauk. SPb., 1876.
- Zagorodnikov N.I. Nikolai Stepanovich Tagantsev. M.: Nauka, 1994. 132 s.
- Ivanov A.E. Uchenye stepeni v Rossiiskoi imperii XVIII v. – 1917 g. M.: IRI RAN, 1994. 198 s.
- Kareev N.I. Prozhitoe i perezhitoe. Leningrad: Izd-vo Leningrad. un-ta, 1990. 382 s.
- Lichnyi i istoricheskii kharakter Olivera Kromvelya. Lektsiya N.Osokina. Kazan', 1868.
- Rech' pered zashchitoy dissertatsii pro venia legendi i dve probnye lektsii kandidata Moskovskogo universiteta Yuliana Kulakovskogo. Kiev, 1881.
- Kistyakivskii O.F. Shchodennik (1874–1885). T. 1. Kii: Naukova dumka, 1994. 650 s.
- Kriticheskii vzglyad na filosofiyu Kanta. Rassuzhdenie, napisannoe magistrrom filosofii, Sil'vestrom Gogotskim, dlya polucheniya zvaniya dotsenta filosofii v Imperatorskom Universitete Sv. Vladimira. Kiev, 1847.
- Kulikovskii D. Razbor vediiskogo mifa o sokole, prinesshem tsvetok Somy, v svyazi s kontseptsiei rechi i ekstaza. M., 1882.
- Leontovich F. Krest'yane Yugo-Zapadnoi Rossii po litovskomu pravu XV i XVI stoletii. Kiev, 1863.
- Miller V.F. Razbor vediiskogo mifa o sokole, prinesshem tsvetok Somy, D. Kulikovskogo // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1883. Ch. 227.
- Nadel veteranov zemlei i voennye poseleniya v rimskoi imperii. Epigraficheskoe issledovanie Yuliana Kulakovskogo. Predstavleno dlya polucheniya zvaniya privat-dotsenta v universitete Sv. Vladimira. Kiev, 1881.
- Ovsyaniko-Kulikovskii D. N. Vospominaniya. Pg., 1923.
- Pavlik M. Mikhailo Petrovich Dragomanov. 1841-1895. Ego yubilei, smert', avtobiografiya i spis tvoriv. L'viv, 1896.
- Piskunov I.V. Pravovoe polozenie privat-dotsentov rossiiskikh universitetov // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. «Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi». 2014, № 4. S. 98–116.
- Professor V.I. Modestov. Vospominaniya, pis'ma. M.: Printsipium, 2014. 426 s.
- Pfaff V. O formal'nykh dogovorakh drevnego rimskogo prava. Odessa, 1866.
- Rostovtsev E.A. Stolichnyi universitet v fokuse ministerskoi politiki (1884–1890) // Rodina. 2013. № 10. S. 57–64.
- Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. T. 2–4. SPb., 1864–1876.
- Tarle E.V. I.V. Luchitskii // Golos minuvshogo. M., 1914. № 1. S. 42–61.
- Fiziko-matematicheskii fakul'tet Khar'kovskogo universiteta za 100 let. Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei. Khar'kov: Izd-vo Khar'kovskogo universiteta, 1908.

Tsygankov D.A. Moskovskii universitet v gorodskom prostranstve nachala XX v. // Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka) / Pod red. T. Maurer i A. Dmitrieva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. S. 371–459.

Shofman A.S. Fedor Gerasimovich Mishchenko. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1974. 111 s.

Ekshtut S.A. «Professor! Ty ubog» // Rodina. 2006. № 1. S. 26–28.

Yuridicheskii fakul'tet Khar'kovskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya (1805–1905). Khar'kov: Izd-vo Khar'kovskogo universiteta, 1908.

Илья Владимирович Пискунов, аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; priere@yandex.ru

How one was to become a Privatdozent in Russia?

The article is focused on Russian Privatdozents, a class of part-time university lecturers at Russian universities in the 19th c., which has not received a good deal of scholarly attention, although it played an important role in the teaching process. The author analyses the criteria and requirements to be met in order to obtain demands to achieve the title of Privatdozent in Russia at the early stage of beginning of its existence (1843–1884), as well as the practices of promotion to this title through the “entrance examinations”. The difficulties and conflicts on the way to the title of Privatdozent at Russian universities are explored, as well as the influence of such practices on the further development of university staff in Russia.

Keywords: Russia, universities, Privatdozent, teaching, dissertation, promotion, lecture.

Ilya Piskunov, postgraduate student, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University, priere@yandex.ru